

СУРЕН БАГДАСАРЯН

**ПЕРЕД ВЫБОРОМ:
ПРОБЛЕМА ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ И
ПРИОРИТЕТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТУРЦИИ**

Изучение проблемы основных факторов и приоритетов политического развития Турецкой Республики – это попытка определения путей развития Турции, ее исторической и политической роли и места в глобальной и региональной системе и выяснения закономерностей внутренних процессов. Часто оценки этих факторов и вышеуказанной роли Турции носят субъективный, односторонний и конъюнктурный характер. Нынешние реалии, на наш взгляд, требуют анализа перспектив политического развития Турции в контексте его внутренней и внешней составляющих.

Исторический фон и политическая культура Турецкой Республики

Пожалуй, нельзя не согласиться с утверждением немецкого турколога Карла Гротхузена, что "современная Турция является, без всякого сомнения, творением Кемаля Ататюрка"¹.

Политика первого президента Турецкой Республики Кемаля Ататюрка, по нашему мнению, определялась двумя приоритетами: 1) достижение и защита национальной независимости, и 2) модернизация новосозданной Республики. Ататюрк и его соратники поставили перед собой задачу укрепления и оздоровления турецкого национального организма и государства, постаравшись четко сформулировать метод достижения этих целей: "Для достижения успеха надо следовать программе, которая вполне соответствовала бы нашему сегодняшнему положению, нашим условиям, насущным общественным потребностям, а также отвечала бы требованиям современности. Нам нужно отказаться от всякого рода величес-

Сурен Багдасарян – кандидат ист. наук, старший научный сотрудник отдела Турции в Институте востоковедения НАН РА.

твенных, но фантастических проектов, посмотреть проницательным взглядом на действительность, коснуться ее руками и понять, чем именно стоит заняться и что начать претворять в жизнь"². Основатель Республики выдвигал в качестве основы политического курса страны реализм, утверждая в частности, что "внешняя политика не должна ставить перед собой такие обширные цели, реализацию которых не может обеспечить внутренняя организация государства... Те, кто воюет мечом, в конце концов терпят поражение от тех, кто воюет сохой, и уступают им место". Ататюрк ссылаясь в данном случае на опыт Османской империи, которая увлеклась завоеваниями, в то время, как болгары, венгры, румыны, сербы "привязались к сохе и обеспечили свое существование, укрепили свои силы... От употребления меча рука устает и в конце концов вкладывает его в ножны, где он обречен ржаветь, А рука, держащая соху, день ото дня крепчает и становится все больше и больше подлинным хозяином земли"³. Переход к подобной политике позволил американскому политологу Фрэнсису Фукуяме утверждать, что в случае Турции "долговременная традиция империализма могла быть отброшена в одночасье и заменена абсолютно новым и отчасти искусственным набором националистических традиций"⁴. Суждение, отчасти, спорное, поскольку имеющиеся факты говорят, что отказ от экспансионистских планов со стороны кемалистов был обусловлен не столько фактором их нового мышления и воли, сколько создавшимися историческими реалиями и военно-политическими возможностями Турецкой Республики.

В этом контексте не случайно то, что ключевую роль в решении внутренних и внешнеполитических вопросов Ататюрк установил и закрепил именно за турецкой армией. Первый президент Республики подчеркивал, что "независимость турецкого государства священна. Она должна быть неприкосновенной навеки. Единственным стражем независимости государства, жизни нации и страны является наша героическая армия. Поэтому одним из главных правил для нас будет не жалеть сил и средств для улучшения нашей военной организации и подготовки"⁵. Ататюрк провозгласил турецкую армию гарантом осуществления идеалов Турции: "Наша армия является олицетворением турецкого стального единства, турецкого могущества и турецкого патриотизма. Наша армия — незыблемый гарант неприкосновенности турецкой территории и окончательного успеха наших усилий, которые мы предпринимаем для реализации идеалов Турции"⁶.

Таким образом, основными факторами, способствовавшими

становлению турецкого национального государства стали идея самого этого государства в пределах Анатолии и восточной Фракии, глубокая реформация всех сфер общественной жизни, наличие политической силы и воли в лице национального лидера и элиты как носителей идеи государственности и движущей силы реформации.

Следует признать, однако, что стоящие сегодня перед Турцией многие проблемы политического, культурного, этнического и религиозного характера — это последствия политики и представлений Кемала Ататюрка, который, в свою очередь, являлся продуктом младотурецкой эпохи и идеологии, некоего синтеза исламских, националистических, расистских и европейских идей.

Именно Мустафа Кемаль всячески подавлял религиозную деятельность в рамках политики и игнорировал этническое разнообразие страны. Ататюрк видел в исламе, составлявшем основу для политики, власти и легитимности Османской империи, главное препятствие на пути модернизации страны и сделал все для разрыва с исламской традицией, а значит, и с османским периодом турецкой истории. Нельзя не согласиться с суждением армянского историка-тюрколога Р. Саакяна о том, что "Мустафа Кемаль глубоко понимал, что во всяком случае в ближайшее время не религиозный фактор будет инструментом для осознания национальной сущности и формирования и бытия национального самосознания... И поэтому он с исключительной силой выдвинул идею величия турецкого этноса, турецкой (а не тюркской) нации"⁷.

Смена фундаментальных исламских и османских ценностей и институтов не означала, что Турция стала либеральным государством, т.е. государством, которое через систему законов признает и защищает универсальное человеческое право на свободу. Главной ценностью была провозглашена нация и все национальное. Как утверждает турецкий социолог Метин Хепер, "национализм, как характерная черта турок, оказался более сильной формой идентичности для них, чем быть мусульманином"⁸.

В политической культуре Турции доминирующим элементом являлись и являются понятия "коллектив", "нация" и ее политическая организация — государство, а не личность с ее правами и свободами. Правящая элита в Турции, состоящая в основном из военных, профессиональных политиков и интеллектуалов, принимает примат государства, уверенная в том, что "государство воплощает современные идеи и может распространить их посредством реформ"⁹. В Турции всегда был только один субъект истории — это государственная власть.

Здесь не было самостоятельных городов, сословий, буржуазии. Все сливалось в государстве. Отсюда вытекает то обстоятельство, что государство и правительство остаются в высшей степени централизованными, идея любой автономии личности, не говоря уже о расширении самоуправления провинций и этнических меньшинств, всегда напрочь отвергалась турецким руководством. Со всей определенностью, можно квалифицировать, что турецкая модель государства — это приоритет нации над правами и свободами личности, зависимость гражданина от государства, централизованная власть, призванная интегрировать общество официальная идеология. Тем самым, в Турции продолжают доминировать синтезированные с западными институтами и ценностями патерналистские тардииции и отношения.

Американский историк—турколог Р. Дэвисон отмечает, что "кемалисты выдвинули концепцию суверенитета, закрепленного за определенной территорией и народом, который живет на ней"¹⁰. Это объясняет то, что характерной чертой турецкой политики стал также страх за существование своей территории и национальной общности, реакцией на который явилась пропаганда и политика национализма, приобретающего явно шовинистические черты и проявляющегося в политическом мышлении как правящей элиты, так и простых граждан через подход "Турция для турок". С одной стороны, этот страх диктовал необходимость осторожной внешней политики, с другой стороны, — игнорирование прав национальных меньшинств и политику ассимиляции в их отношении, ограничение демократических механизмов и свобод, постоянные поиски "внешних" и "внутренних" врагов.

Само политическое развитие Турции, на наш взгляд, характеризуется крайней неустойчивостью, периодами авторитаризма и либерализма. За периодом однопартийной системы в 1923—1946гг. последовал период демократизации с двухпартийной системой, породившей, однако, политическую нестабильность, резкую поляризацию политических сил и лидеров и их прямые столкновения, что, в конечном счете, привело к первому военному перевороту 27 мая 1960г. и падению Первой Республики. Но и Конституция Второй Республики от 1961г., установившая режим парламентской демократии, не привела к желаемой политической стабильности. Наоборот, в 1970—х годах политическая жизнь все больше радикализировалась, усугубляясь глубоким экономическим кризисом и разгулом экстремизма и серьезным кипрским вызовом. Ситуация была разрешена только новым военным переворотом 12 сентября 1980г. и принятием Конституции Третьей Республики в 1982г. Сегодня Турция является

одной из немногих стран во всем регионе Ближнего и Среднего Востока, где смена правительства возможна в результате выборов. Причем, примечательно, но начиная с 1989г. президенты Турции – Т.Озал, С.Демирель и А.Сезер, не являются, в отличие от всех их предшественников, кадровыми военными.

Политическая система

В Турции перманентно существовала проблема обеспечения нормальной и эффективной деятельности политической системы страны. Справедливо замечание турецкого историка Т.Тунайи, что "становление Турции как государства западного типа означает, что она должна столкнуться со всеми требованиями демократической системы"¹¹.

Конституция 1982г. подтвердила приверженность Турции режиму парламентской демократии. С того времени в стране регулярно проводились свободные, многопартийные выборы. Но переход к функционирующей и стабильной демократии не зашел так далеко, чтобы исключить в современной Турции новый военный переворот, а уж тем более вмешательство (открытое или закулисное) военных в политическую жизнь. Нынешняя политическая система носит на себе отпечаток военного переворота 1980г., находясь под жестким контролем генералитета, а гражданские политические институты зачастую оказываются не в состоянии эффективно повлиять на сложные структурные изменения, которые требуются для поддержания деятельности государства и развития экономики.

Одним из важных вопросов для Турции является проблема определения статуса высших органов государственной власти. Формально Третья Республика основывается на принятом еще при Мустафе Кемале в 1920г. принципе верховенства и единства власти в лице Великого Национального Собрания, но фактически эта власть делегирована президенту и премьер-министру Республики, что, в свою очередь, вызывает различные толкования их роли и места в государственной жизни и политической системе страны, в частности: кто из них является главой исполнительной власти, кто из них более самостоятелен и эффективен в исполнении своих полномочий? Президент по Конституции обязан обеспечить прочность и независимость государства, неприкосновенность территории Республики, единство отечества и нации, ее неограниченный суверенитет, действенность Конституции, примат прав, демократии, принципов и реформ Ататюрка и основ лаицизма, а также призван обеспечить согласованность в работе государственных органов.¹² Подобные полномочия

порождают борьбу за первенство между президентом и премьер-министром. Тем самым, в Турции действует система "двухголового" правления, при котором, с одной стороны, главой государства является президент Республики, а с другой стороны, руководство страной осуществляет премьер-министр, решения и судьба которого зависят во многом от расстановки политических сил в меджлисе.

Президентская власть и власть правительства, по всей видимости, и в обозримой перспективе останутся обусловленными личностями и расстановкой сил в меджлисе, а также отношением к ним со стороны военных.

В этом плане для Турции актуальными являются вопросы демократизации и лидерства. Именно эти вопросы лежат в основе политических и экономических кризисов. В Турции нет сегодня лидера, который смог бы установить в стране внутреннее согласие. Тогда как необходима сильная политическая воля, чтобы осуществить демократизацию в стране.

Кроме того, в радикальном обновлении нуждаются как правый, так и левый фланги политического поля Республики. Так, например, на выборах 1995 и 1999 годов ни одна правая партия (а именно они управляли страной в 1983–1995 гг.) — ни Партия Верного Пути, ни Партия Отечество — не добились лидерства и относительного большинства мест в парламенте¹³. "Проблема, которая мешает этим партиям войти в коалицию друг с другом, — отмечает шведский специалист Свант Корнелл, — это типичная для турецкой партийной системы борьба за власть между лидерами обеих партий"¹⁴. На левом фланге наблюдается та же фрагментация в лице Лево-Демократической партии Эджевита и наследницы партии Ататюрка — Народно-Республиканской партии. Интриги и противоречия политических лидеров лишь еще больше дистанцировали партии от избирателей. "Политическая борьба в Турции — это часто борьба личных интересов и интриги, которые не выражают интересов избирателей"¹⁵. На этом фоне резко усиливаются позиции ранее маргинальных политических сил — крайне националистической Партии Национального Действия и исламистов¹⁶.

Армия

Выше уже отмечалось, что политическая жизнь Турции находится под бдительным контролем военных. Армия в Турции не является частью государства, она идентична государству.

Как пишет армянский специалист по турецкой армии М. Мел-

конян, "армия выступает как важнейший общественно-политический фактор и держит в своих руках достаточно рычагов воздействия на политическую жизнь страны"¹⁷. Особое место этого фактора обусловлено тем, что армия служит каналом для социальной интеграции, является системой многоступенчатой подготовки и селекции офицерских кадров, т.е. институтом элиты, проходящей здесь, кроме военного обучения, также школу овладения современной техникой, управления и патриотизма. Офицерский корпус стал главной опорой Республики.

В Турции, по мнению американского историка Д.Растоу, "слабость гражданских институтов выводит военных на политическую сцену"¹⁸. Уполномоченные Кемалем Ататюрком как "хранители" Республики, военные трижды брали контроль над властью в стране. Вмешательство армии в политическую жизнь всегда аргументировалось и аргументируется ее миссией защитницы национальных интересов и наследия Ататюрка. Другим важным аспектом влияния армии на политическое развитие Турции является традиция, начало которой было положено еще в период реформ Танзимата и закреплена Ататюрком, которая рассматривает армию как инструмент и носитель прогресса и модернизации.

Военные перевороты в Турции, обычно, имели целью "ремонт" политической системы. После "исправительного периода" военные возвращали власть гражданским или военно-гражданским правительствам, оставляя за собой право дальнейшего контроля за развитием политического процесса. Армия обычно не брала на свои плечи осуществление долговременной правительственной власти, но ее фактор значительно ограничивал возможности политических лидеров для управления страной.

Как отмечает немецкий турколог Уве Штайнбах, военные считают себя продолжателями курса Ататюрка в деле "воспитания" народа, теми, кто указывает народу путь развития, обеспечивая при этом стабильность¹⁹. Таким образом, армия является той институциональной силой, которая гарантирует управляемость политических процессов в стране. Эта миссия закреплена в уставе Вооруженных Сил Турции, который обязывает военных "защищать и охранять турецкую территорию и Турецкую Республику"²⁰. Военные умели быстро решать поставленные перед ними задачи: навести порядок в общественной и политической жизни, нейтрализовать радикальные политические силы и течения, осуществить реструктуризацию государства на всех уровнях. Не случаен тот факт, что и Первая, и

Вторая, и Третья республики были основаны военными лидерами. Хотя эти лидеры – Ататюрк, Гюрсел, Эврен, трансформировали свою власть в гражданские формы, но на деле фактического разделения военной и политической сфер так и не произошло. Среди военной элиты нет однозначного видения приоритетов развития Турции. Одна точка зрения считает, что турецкий народ достаточно созрел для того, чтобы справиться с демократическими процессами, и во вмешательстве военных в политическую жизнь нет особой нужды, только в том случае, когда государство оказывается перед явной угрозой. Другая точка зрения полагает, что только динамичное и авторитарное руководство может обеспечить социальную справедливость, массовое образование и экономическое развитие, а поскольку политики не в состоянии гарантировать этого, то это руководство должны осуществить военные. Иными словами, перефразируя Клемансо, генералы считают, что управление государством слишком важное дело, чтобы оставлять его политикам.

Конституция 1982г. законодательно закрепила роль армии в государстве: ни один орган гражданской власти не осуществляет и не может осуществлять какой-либо контроль над военными²¹. Военные полностью контролируют сегодня сферу национальной безопасности Турции. Генералитет реализует свое влияние на формирование внутренней и внешней политики прежде всего через Совет Национальной Безопасности – орган, по сути, решающий все важные вопросы внутренней, внешней и военной политики. Кроме СНБ, генералитет контролирует Высший военный совет, разведку, жандармерию. По сути, в Турции в отношении армии не действует механизм контроля демократического государства, где командный состав армии ответственен перед министром обороны. Здесь начальник Генерального штаба ВС Турции и все высокопоставленные командиры назначаются решениями не правительства, а, по сути, внутренней иерархии самой армии.

Нельзя не отметить, что армия, последовательно усиливая свои мощь и позиции, стала сегодня для Турции в какой-то степени тормозом на пути политических, социальных и экономических реформ. Заместитель начальника Генштаба ВС Турции, генерал Чорекчи в июне 1995г. прямо заявил, что "демократия и права человека мешают нашей деятельности, ограничивая борьбу с терроризмом, чего не должно быть"²². Кроме того, именно военные, превратившись в самостоятельный и бесконтрольный организм, стали движущей силой для осуществления политики внешней

интервенции, примером чего являются операция по оккупации Кипра в 1974, вторжения в Сев. Ирак, налаживание военных контактов с Азербайджаном в наши дни.

Внешнеполитическая стратегия

Известно, что основой внешнеполитического курса Турецкой Республики постоянно служили гибкость, реализм и приоритеты национальных интересов. В эти приоритеты входили обеспечение безопасности Турции и ее интеграция в мировые структуры. Ататюрк считал, что обеспечение безопасности страны будет эффективным лишь в том случае, если она будет иметь нормальные, добрососедские отношения со всеми своими сопредельными государствами. Турецкая политическая и военная элита в течение последних 60 лет не устает повторять, что традиционная политика безопасности Турции основывается именно на принципе Ататюрка "Мир в стране, мир в мире"²³. Под интересами безопасности здесь имеются в виду: защита и поддержка своей независимости и территориальной целостности, использование всех средств для предотвращения кризисов и войн, участие в коллективных системах безопасности и вклад в дело по установлению регионального и глобального порядка и мира посредством участия в международных миротворческих операциях²⁴. В то же время постоянное пополнение военного арсенала Турции и многомиллиардные программы модернизации вооруженных сил²⁵ позволяют утверждать, что Турция вела, ведет и будет вести отнюдь не миролюбивую политику. В "Национальной стратегической концепции" Турции отмечается, что страна окружена странами, чьи национальные интересы противоречат национальным интересам Турции, и которые имеют к ней территориальные претензии²⁶. Но реально сегодня на территориальную целостность Турецкой Республики никто не покушается. Создание образа "враждебного кольца" вокруг Турции — это пропагандистский аргумент, с помощью которого военно-политическое руководство страны оправдывает свои проекты по увеличению военной мощи Турецкой Республики, что, в свою очередь, позволит этой группировке и дальше держать в своих руках основные рычаги политической власти и контролировать экономические ресурсы.

Турция расположена на стыке нескольких цивилизаций и военно-политических и экономических группировок, и этот фактор оказал, несомненно, огромное влияние на развитие Турецкой

Республики. В период холодной войны она играла важную роль для Северо-Атлантического альянса (НАТО), являясь его форпостом на южных границах СССР, буфером между регионом Ближнего и Среднего Востока и Советским Союзом. "Самим своим расположением, — отмечает турецкий политолог А. Караосманоглу, — Турция создавала не только барьер, защищающий Ближний и Средний Восток и Персидский залив от угроз с севера, но также являлась потенциальным центром силы, который мог оказать влияние на региональные процессы"²⁷.

Конец "холодной войны" привел к фундаментальным изменениям во внешней политике Турции: произошла общая смена ее окружения в результате распада СССР и Югославии, ее позиция по отношению к Европе стала более периферийной. Для Турции появились новые возможности и одновременно новые вызовы.

Так, например, с распадом СССР и Югославии в Турции была выдвинута идея турецкого влияния "от Китайской стены до Адриатического моря" — зоны, куда будут направлены усилия Анкары для интеграции тюркских и мусульманских стран (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Босния, Албания). Но идеи, однако, не всегда идентичны реальной политике. Именно эта политика определяет приоритеты, которые могут зачастую не соответствовать стремлениям. Политическая элита страны проявила в последнее десятилетие более высокую степень внешней активности, чем та, к которой было готово турецкое общество. Сам министр иностранных дел Турции И. Джем признал, что экономические возможности его страны не соответствуют ее внешнеполитическим запросам²⁸.

На современную турецкую внешнеполитическую стратегию решающее влияние оказывает фактор ее нового геополитического окружения. Больше нет такого могущественного соседа как Советский Союз, и хотя военная угроза со стороны России потенциально существует, но она нереальна, более того Турция стала сегодня одним из важных партнеров России в сфере торговли, поставок топлива и вооружений. С одной стороны, Россия и Турция являются крупными экономическими и торговыми партнерами, с другой стороны, их геополитические интересы входят в столкновение друг с другом²⁹. Как точно заметил турецкий политолог Ш. Элекдаг, "в отношениях между Россией и Турцией соперничество и сотрудничество совмещаются"³⁰.

На востоке Турция теперь граничит с новыми государствами, как

Грузия и Армения. С Грузией уже установлено тесное сотрудничество, особенно в военной сфере. С Арменией межгосударственных отношений, по сути, не существует. В Анкаре считают, что основным препятствием для успешного осуществления целей турецкой внешней политики в Закавказье является армяно-азербайджанский конфликт. Турция пока продолжает настаивать на своем условии для сотрудничества с Арменией: покончите с конфликтом, и мы станем друзьями.

После короткого периода эйфории в начале 90-х, стало ясно, что этнические связи не имеют такого первостепенного значения, чтобы привести к доминирующему влиянию Турции на тюркские республики бывшего Советского Союза. Анкара оказалась не в состоянии взять на себя ответственность за судьбу тюркских государств, даже в случае этнически и географически наиболее близкого ей Азербайджана. Сегодня Турция более не пытается доминировать над тюркскими государствами, а предпочитает расширять свое влияние через привлечение их военных, дипломатических кадров и студентов путем обучения в Турции, развитие коммерческих связей, соглашения по культурному сотрудничеству. Возродившаяся в результате распада Советского Союза идея общетюркской солидарности, по нашему мнению, носит больше культурный, психологический и в некотором отношении экономический, чем политический или военно-стратегический характер, хотя этот элемент политики всегда присутствовал в турецкой политике. Думается, что у Турции на сегодняшний день нет достаточных ресурсов и потенциала для углубления отношений с тюркскими государствами и преодоления мощного сопротивления "тюркской интеграции" со стороны великих держав. Наконец, государственные интересы Турции и тюркских республик бывшего СССР значительно различаются, что тоже ставит под вопрос планы по созданию какой-либо тюркской конфедерации или федерации.

Краеугольным же камнем турецкой внешней политики остается военно-политический союз с США. Как отметил в своей статье в журнале "Форин полнси" в 2000г. тогдашний первый заместитель госсекретаря США Строруб Тэлботт, "Турция является союзником Америки в НАТО и близким, доверенным партнером по широкому кругу проблем"³¹. Действительно, между Турцией и США сегодня имеются тесные политические, военно-стратегические и экономические связи. Однако во взаимоотношениях этих стран намечился также ряд разногласий во взглядах и интересах, в частности, в вопросах соблюдения прав человека (весьма

шепетильной теме для Соединенных Штатов) в Турции, решения курдской проблемы, урегулирования проблемы Кипра, создания курдской автономии в Сев. Ираке, эмбарго на поставки нефти из Ирака и т.д. И хотя прежний императив американо-турецких отношений – советская угроза – перестал действовать, однако в современных условиях Турция как трамплин для проникновения на Средний Восток продолжает сохранять свое значение для Вашингтона, особенно учитывая его напряженные отношения с Ираном и Ираком в течение последнего десятилетия и в особенности после объявления “войны против терроризма” в конце 2001 года. Надо учесть то, что нестабильность новой системы международных отношений, характерная для последнего времени, породила также перепады во внешней политике Турции. Западу невыгодны радикальные сдвиги в турецкой внешней политике, так как они нарушили бы стратегический баланс в пятиугольнике Балканы–Черноморский бассейн–Кавказ–Средиземноморский бассейн–Средний Восток. Кроме того, для Турции отношения с Соединенными Штатами важны также в контексте обеспечения экономического роста, внутривнутриполитической стабильности и поддержки в деле вступления в ЕС.

В турецкой внешнеполитической стратегии постоянно провозглашается постулат, что “тесная интеграция с международным сообществом, в частности, с западными институтами, всегда была приоритетом турецкой внешней политики”³². В Турции полагают, что для страны было бы неправильно считаться важной опорой НАТО в юговосточном районе, и при этом быть отвергнутой в участии в европейской интеграции³³. В декабре 1999г. Евросоюз, наконец, дал официальное согласие на прием заявки Турции на вступление в ряды Союза. Причем, решение было принято под давлением США³⁴. Однако присоединение Турции к ЕС в обозримом будущем не представляется реальным в силу многих проблем, которые Турция пока не в состоянии разрешить.

Вопрос, который задается и в Европе, и в самой Турции – “Является ли Турция европейской страной?” – думается, что представляет собой ядро проблемы турецкой национальной идентичности. Формально членство Турции в НАТО и ее заявка на прием в ряды ЕС закрепляют западную ориентацию этой страны. Однако географическое положение, религия, культурное наследие и некоторые экономические интересы не позволяют Турции игнорировать исламский фактор. А это означает проведение диверсифицированной внеш-

ней политики, идея которой начала реализовываться еще правительством Б.Эджевита в 1970-х годах и с еще большим размахом – правительством Т.Озала в 1980-х, развивавшими сотрудничество с исламскими государствами Ближнего и Среднего Востока. В 1990-х диверсификация этой политики расширилась регионами Кавказа и Центральной Азии, включая в себя несколько сфер: энергетические ресурсы и их транзит, торговые связи, культурная экспансия, взаимная поддержка в конфликтах (Кипр, Балканы, Карабах). При этом подобная политика не предполагает разрыва Турции с Западом и ее изоляции по примеру Ирана: слишком велика зависимость Турции от США и Европы в области безопасности и экономического развития. Скорее всего, проблема выбора внешнеполитической стратегии решится под влиянием реальных факторов.

"Пятая модернизация"

История Турции на протяжении последних полутора столетий – это история трансформации. Известно, что, начиная с периода реформ Танзимата и в особенности кемалистского периода турецкой истории соотношение Турции с Европой или Западом, – момент для нее ключевой при осознании ею самой себя и выявлении собственной идентичности. Это так называемая проблема выбора пути Турции, проблема ее ориентации, выражающаяся в противопоставлении Европы и Азии. Несмотря на реформы, вызванные необходимостью сдвинуть Турцию с маргинальных позиций в истории и достижения цели ее "европеизации", различия в политической и культурной сферах сохранялись на протяжении всех последних полутора столетий: это и религиозный аспект, где исламская религия турок противопоставляется католической–протестантской культуре, и государственная идеология, когда идеям этатизма и узкого национализма противопоставляются идеи демократии и либерализма. Между тем, в процессе глобальной трансформации, происходящей в наши дни, противопоставление Европа – Азия, конфликт между секуляризмом и исламом в Турции представляются несколько слишком упрощенными. Как отмечает турецкий историк, профессор Илбер Ортайлы, дихотомия исламизм–секуляризм – это лишь видимый процесс: "В действительности же все они (секуляристы и исламисты) являются членами общества, которое быстро модернизируется и быстро открывается внешнему миру, и ни одна из сторон ясно не представляет себе, что такое Восток или Запад, ислам, христианство и секуляризм. Примирение будет достигнуто, когда общество начнет понимать себя

самого³⁵. Можно квалифицировать, что модель современной Турции не тождественна и не противоположна модели западных стран.

Современная трансформация страны характеризуется столкновением нескольких групп и политических течений. В Турции идет дискуссия относительно главных путей развития страны: европейская модернизация и интеграция, самодостаточный национализм, агрессивный или "расистский" национализм (пантюркизм) и исламизм. Соответственно, эти четыре модели требуют ориентации на Запад (НАТО, ЕС), самодостаточное существование в нынешних ограниченных рамках (Анатолия), тюркский мир и исламский мир. Выбор между этими путями — это, по сути, выбор внутренней идентичности и вектора внешней политики Турции. На вопрос же какой из этих путей является самым оптимальным и выгодным для Турции, ответ пока не дан. От этого ответа зависит, воспримет ли Турция тенденции современного развития и встанет на тот путь, который решит ее политические, социальные и экономические проблемы, или же окажется на периферии мирового политико-экономического процесса.

Стоит также несколько подробно остановиться на вышеназванной дискуссии. Так, например, турецкий политолог Незихи Чакар утверждает, что Турция как демократическое, секулярное государство со свободной рыночной экономикой и уважением к правам человека и фундаментальным свободам имеет полное право на членство в ЕС и может послужить моделью развития для новообразованных государств бывшего Советского Союза³⁶.

Но в Турции существуют и иные точки зрения, более реалистичные и критичные. Известный турецкий писатель и публицист Орхан Памук в своей статье, опубликованной в приложении "Times Literature", отмечает, что ни одна другая страна не умеет так изолировать себя от своего окружения и своей истории, как это сделала Турецкая Республика. "Ее история — это история крайнего отчуждения и изолированности"³⁷. Памук справедливо считает, что "возникшие в Турции нынешние политические, административные и экономические кризисы — результат узких, ограниченных взглядов турецкой правящей элиты"³⁸. Он также выделяет то обстоятельство, что "Республика, навязав всем свое однобокое представление о модернизации, стала воспринимать любую критику как угрозу своим усилиям в достижении прогресса. Инакомыслие, идея плюралистического общества рассматривалась как подрывная деятельность"³⁹. Частью турецкой политической культуры стало как игнорирование традиционной культуры, мешающей утверждению новой, националистической турецкой

идентичности, так и запрет на критику со стороны именно прозападно настроенных политиков и интеллектуалов. Турция просто скопировала внешние формы западных институтов и ценностей, на деле же сближения с Западом так и не произошло.

Некоторые специалисты полагают, что в 1990-х Турция оказалась перед двумя альтернативами: либо следовать традиции Кемалья Ататюрка и реализовывать модель кемалистского государства, которая делает упор на национальном единстве и пытается выжить в пределах своих нынешних границ, не имея далеко идущих амбиций (парадигма "осажденной крепости"), либо выбрать модель государства, которое признает плюрализм, некоторую автономию для этнических курдов, имеет нормальные отношения со своими соседями и распространяет свое влияние далеко за пределы своих границ (парадигма интеграции)⁴⁰. По мнению норвежского специалиста О. Туандера, парадигма национального государства, которая была присуща историко-политическому развитию Европы в XIX- начале XX веков, и которую взял на вооружение Кемаль Ататюрк, исчерпала себя и превалирующими стали тенденции распространения регионального и транснационального сотрудничества и влияния⁴¹. Реальность действительно такова, что сегодня на Западе идеал единого национального государства сменился более сложной политической структурой с открытыми границами и трансфертом информации, капиталов и органов управления, где фактор территории в условиях снижения вероятности тотальной войны уступил свое место экономическим целям.

Как полагает турецкий политолог Дженгиз Чандар, наследие Ататюрка в руках кемалистской военно-бюрократической элиты, контролирующей власть после его смерти, превратились в закостеневшую ортодоксию, которая стала перпятствием для дальнейшего демократического и экономического развития Турции в современном меняющемся мире⁴². Чандар также считает, что политика последователей Ататюрка, в особенности военных, трансформировала образ Ататюрка в неприкосновенную национальную икону, а кемализм — в негибкую догму. Тогда как усилия политического руководства страны должны быть сосредоточены на примирении главных противоречий, а его приоритетом стать завершение модернизации, т.е. превращение Турции в демократическую, европейскую, секулярную и мусульманскую страну⁴³.

В самой Турции первая серьезная попытка отхода от кемалистской модели была сделана в период десятилетнего правления Тургута Оза-

ла (1983–1993гг.), который открыл двери для этнического плюрализма, секулярной исламской идентичности и выдвинул идею влияния Турции за своими пределами. При Озале в стране были осуществлены структурные реформы, приведшие к созданию более либеральной и открытой модели турецкого государства и экономики. 8-й президент Республики выдвинул концепцию трех свобод, утверждая, что для того, чтобы Турция достигла уровня цивилизованного государства, ей необходимо соблюдать и развивать три главные свободы: "свободу мысли, свободу совести и свободу инициативы"⁴⁴. Т.Озал первым из республиканских лидеров заговорил об османском прошлом Турции, считая его великим и гордясь им. Он также первым признал существование в стране курдского этнического меньшинства. В то же время, нельзя не отметить, что именно в этот период Турция столкнулась с проблемами зависимости от международных финансовых структур, с этническим конфликтом в юго-восточной Анатолии, отнимавшим 1/3 военных и финансовых ресурсов страны.

Турция прошла уже четыре этапа модернизации, первый из которых (1920–1930-е гг.) характеризовался созданием национального государства, укреплением его основ и институтов, второй (1946–1950-е гг.) — установлением многопартийности и экономической либерализацией, третий (1961–1965гг.) преследовал цель структуризации политической системы и установления парламентской демократии, а четвертый (1980-е гг.) осуществил приватизацию и установление демократической политической системы. Сегодня страна стоит на пороге следующего этапа модернизации, и опоздание с этим этапом может привести к новым и тяжелым кризисам, и многое здесь зависит от степени осознания руководством страны необходимости новой модернизации и его решимости провести ее, каковой, скажем, обладал Тургут Озал. Примечательно, что политическое развитие Турции совпадало с поворотными пунктами в мировом политическом и экономическом порядке, когда начинался новый ход развития и на повестке дня оказывалась адаптация к этим внешним процессам. Таковы были периоды 1920–1930-х годов, когда Ататюрк воспринял мировую тенденцию авторитарной—тоталитарной модернизации, в 1946–1950-х гг., когда в мире шел процесс либерализации, в 1980-х, когда Озал пошел по пути, который совершали тогда Рейган и Тэтчер. Теперь Турции предстоит решать свои проблемы в рамках процесса глобализации, интеграции и всеобщей демократизации.

Перед Турцией начала XXI века стоят проблемы улучшения ситуации в сфере защиты прав человека, поиска баланса между религией и лаицизмом, установления мира в юго-восточной Анатолии и признания культурных прав граждан курдской национальности, необходимости снижения роли генералитета в политической жизни страны, в частности, реструктуризация СНБ по американскому аналогу. Осуществление этих реформ является необходимым условием для вступления Турции в ЕС. Еще в 1980-х известный турецкий публицист, нынешний министр иностранных дел Турции Исмаил Джем отмечал, что "Турции необходимо, с одной стороны, обеспечить безопасность личности и целостность государства, с другой же стороны, повысить в нашем народе уровень современности и закрыть пути для "несовременного расизма"⁴⁵. Кроме того, по нашему мнению, чтобы осуществить реальную демократизацию, Турция вынуждена будет также критично пересмотреть свою историю.

Только будущее покажет будут ли осуществлены вышеназванные реформы. Тут возможны и линейная эволюция к созданию "гражданского общества", и тяжелый переход через новые кризисы, и застой или возврат к традиционному кемализму. Думается, что Турция может играть первостепенную роль во всем регионе, но не на чисто националистической основе, а как интегральная часть западных структур.

В этом плане, как уже упоминалось выше, Турции нужны лидеры, остро чувствующие потребность в обновлении политической и экономической систем страны. Это поколение лидеров стоит перед вызовами установления эффективного управления страной, поиска оптимальной модели отношений с этническими меньшинствами, преодоления перманентного кризиса в экономике. Десятый президент Турции Ахмед Сезер основное внимание уделяет именно осуществлению демократических реформ и укреплению политической системы. Сезер является выразителем интересов новой политической элиты — слоя, который начал формироваться еще в период реформ Озала. Это в основном молодые люди, профессионалы, с высшим образованием, европейски ориентированные.

Таким образом, на наш взгляд, определяющими факторами и приоритетами политического развития Турции в обозримом будущем станут: (1) новый этап модернизации политической, экономической и социальной систем, (2) определение более четкой и эффективной роли и места как государственных структур, так и политических

партий, (3) борьба за пересмотр или сохранение политической роли армии, (4) проблема лидерства, осуществление политической смены поколений и выход на арену нового поколения лидеров, более открытого и более адаптированного к современным реалиям, (5) разработка и реализация внешнеполитической стратегии, адекватной вызовам нового века, (6) выбор пути развития на базе четырех парадигм: прозападная ориентация, кемалистский национализм, экспансионистский национализм и исламизм, причем, с возможным синтезом элементов каждой модели с элементами остальных парадигм развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. K.-D. Grothusen. Kemal Atatürk. – Südosteuropa Mitteilungen. N 2, 1982, S. 13
2. К. Ататюрк. Избранные речи и выступления. Москва, 1966, с. 220
3. Там же, сс. 269–270
4. Ф.Фукуяма. Неясность национального интереса. – Независимая газета. 16.10.1992
5. К. Ататюрк. Избранные речи и выступления. Москва, 1966, с. 315
6. Там же, с. 402
7. Ռ.Գ.Սահակյան. Կայսրությունից դեպի ազգային անկախություն. – «Ինքնություն», Երևան, 1995, էջ 137
8. M. Høper. Islam: Polity and Society in Turkey. – The Middle East Journal, Summer 1981, vol. 35, N 3, pp. 355–356
9. K. Karpat. Society, Economics and Politics in Contemporary Turkey. – World Politics, vol. XVIII, N 1, October 1964, p. 54
10. R. Davison. Environmental and Foreign Contributions. in R. Ward, D.A.Rustow. The Political Modernization in Japan and Turkey. Princeton, 1964, p. 93
11. T.Z.Tunaya. Türkiye'nin Siyasi Hayatında Batılılaşma Hareketleri. Istanbul, 1960, s.119
12. U. Steinbach. Das politische System. – Informationen zur politischen Bildung. Türkei, N 223, 1989, S. 35
13. Если в 1995г. Партия Верного Пути уступила лидерство исламисткой Партии Благоденствия, то на выборах 1999г. и ПО, и ПВП вообще оказались на четвертом и пятом местах, пропустив вперед социал-демократическую ЛДП, национал-пантюркистскую Партию Национального Действия и исламистко-консервативную партию Добродетели ("Fazilet").
14. S. Cornell. Turkey: Return to Stability? – Middle Eastern Studies, vol. 35, N 3, October 1999, p.6
15. Die Krise der Türkei. Bonn, 1981, S. 8
16. С 1972г. в Турции было создано три происламские партии – Партия национального спасения, партия "Благоденствие" и партия "Добродетель". В лице своего лидера – Неджметина Эрбакана ПНС и ПБ были представлены в правительстве на уровне вице-преьера (в кабинетах Эджевита и Демиреля в 1973–1977гг.) и премьер-министра (в коалиции с Партией Верного пути в 1996–1997гг.).

17. Մ. Մելքոնյան. Ձիմկորականության դերը Թուրքիայի քաղաքական կյանքում. – Ձիմկոր, 10–20.05.1993
18. D.A. Rustow. The Military. in R. Ward, D.A.Rustow. The Political Modernization in Japan and Turkey. Princeton, 1964, p.382
19. U. Steinbach. Die politische Entwicklung. – Informationen zur politischen Bildung. Türkei, N 223, 1989, S. 20
20. Там же, S. 35
21. Մ. Մելքոնյան. Ձիմկորականության դերը Թուրքիայի քաղաքական կյանքում– Ձիմկոր, 10–20.05.1993.
22. Milliyet, 1.07.1995
23. NATO's Sixteen Nations. Turkey. – May, 1998
24. Там же
25. На модернизацию турецкой армии в течение ближайших 25–30 лет потребуется около 150 млрд. долларов – NATO's Sixteen Nations. Turkey. – May, 1998
26. Մ. Մելքոնյան Ազգային անվտանգության համակարգ. Թուրքիա. – Հայ Ձիմկոր., 11.02.1998
27. A.L.Karaosmanoglu. European security and Turkey in a Changing Strategic Environment. – Year Book 1989. Special Issue: Southeastern Europe. p. 181
28. «Հայաստանի Հանրապետություն», 26.02.1998
29. Эти противоречия охватывают отношения Турции с тюркскими республиками бывшего Советского Союза, транспортировку нефтересурсов Каспийского региона, проблему присутствия российских войск в Закавказье.
30. S. Elekdag. 2 1/2 War Startegy. – Perceptions, vol.1, N 1, Spring 1996, p. 53
31. S.Talbott. Self–Determination in an interdependent World. – Foreign Policy. Spring 2000, N 39, p. 10
32. [http: www//mfa.gov.tr](http://mfa.gov.tr)
33. A.L.Karaosmanoglu. European security and Turkey in a Changing Strategic Environment. p. 177
34. M. Walker. The Turkish Miracle. – The Wilson Quarterly, Autumn 2000, vol. 24, N 4, p. 75
35. Turkish Daily News, 5.01.1998
36. N. Çakar. Turkey's Security Challenges. – Perceptions, vol.1, N 2, Summer 1996, p. 4–6
37. Ազգ. 12.09.1997
38. Там же
39. Там же
40. O. Tunander. A New Ottoman Empire? – Security Dialogue. vol. 26, N 4, December 1995, p.414
41. Там же, p. 413
42. C. Çandar. Atatürk's Ambiguous Legacy. – The Wilson Quarterly, Autumn 2000, vol. 24, N 4, p.89
43. Там же, p.96
44. "Известия", 6.07. 1990
45. Hürriyet. 10.10.1984